

Таинство примирения

Главной темой размышления для верующего человека, христианина является тема обращения. Евангелисты подводят итог всей проповеди, всей Благой Вести Господа Иисуса словами: „Покайтесь и веруйте в Евангелие!” (Мк 1, 15). Не всегда человеку требуется кардинальное обращение, поворот на 180°, но каждый нуждается в постоянной поправке к жизненному курсу. Это бывает, как с кораблем в море, который испытывает влияние различных волн, течений и ветров. Чтобы не сбиться с пути, он должен быть направляем, и для этого за его курсом необходимо постоянно наблюдать. Раньше это делали, глядя на звезды, а теперь – пользуясь особыми приборами. Такое нанесение поправок к курсу необходимо каждому человеку, отправившемуся в плавание своей жизни. И поэтому обращение – это основное задание верующего.

Для этого обращения нам дано Слово Божие, испытание совести, размышление, молитва. Особенным же даром Бога, даром воскресшего Христа, является таинство примирения, обращения, покаяния. Тема исповеди часто вызывает у нас беспокойство, у некоторых с нею связываются неприятные воспоминания, страх. В какой-то степени это и понятно: ведь обращение требует признания собственных ошибок, а кому они по-настоящему известны? А если и известны, то кому хочется в чем-либо серьезно изменять свою жизнь? Ведь эти ошибки вызваны нашим стремлением к собственной выгоде, удобствам, гордостью и амбициями... Кто же любит выносить это наружу из тайников души?

Но исповедь не должна стать прежде всего тяжкой повинностью, которая придавливает, угнетает человека, повинностью, о которой некоторые задаются вопросом: „как часто я **должен** это делать?” На это таинство нужно смотреть иначе: как на особенный дар. Я хотел бы сегодня раскрыть тему исповеди в трех аспектах:

- 1) исповедь как **дар**,
- 2) исповедь как **таинство**,
- 3) исповедь как выражение **дружбы** с Богом.

1. Исповедь как дар

В понимании исповеди как дара нам поможет опыт св. Иеронима.

Он был очень способным и честолюбивым человеком. Происходил он из Далмации, то есть теперешней Албании, и был того же происхождения и покроя, что Мать Тереза из Калькутты. В Риме он исполнял обязанности секретаря папы и имел реальную возможность самому стать папой после смерти предшественника. Но, к сожалению, он был человеком слишком жестким, говорил то, что думал, особенно, что касалось состояния, в котором находились священники. В результате он потерял все шансы на духовную карьеру и удалился в пустыню, где начал вести аскетическую жизнь, столь же суровую, какой требовал от других. В конце концов он в результате многих духовных опытов открыл свое особое призвание: перевод на латынь Святого Писания. Так возникла Вульгата – важнейший, пожалуй, перевод этого мира, повлиявший на все дальнейшее развитие западного богословия. Св.Иероним жил в Вифлееме: он хотел быть там, где Слово стало плотью, особенно же любил ходить в пещеру, в которой, согласно местной традиции, родился Иисус. Однажды он размышлял о том, как цари принесли Христу дары; наверняка и пастухи нашли для Него какой-то подарок. И у него возникло огромное желание тоже подарить что-нибудь Иисусу. Но ведь он вел жизнь аскета, который уже отдал все, что имел, который уже почти не спал, не ел, непрестанно молился, работал, руководил человеческими душами. Что еще он мог дать? У него ничего не было. Даже то, что он использовал в научной работе, при переводах, было собственностью монастыря. И вот внезапно он услышал голос: „Иероним! Иероним! Дай мне свои грехи!” Удивленный, он подумал, что это, наверное, проделки сатаны. Монахи, которые так много молились и постились, привыкли к таким искушениям и козням дьявола, который под предлогом добра склоняет человека к весьма утонченным грехам. „Это невозможно! – подумал он. – Это кощунство!” И хотел молиться дальше, не обращая ни на что внимания. И тут снова услышал: „Иероним! Дай мне свои грехи!”

Что-то в этом было! В сердце монаха царил мир, следовательно, сатана тут скорее всего не при чем. Но разве грехи могут быть даром? Это ужасно! Размышляя об этом, Иероним вспомнил притчу о блудном сыне. Что подарил этот сын, когда вернулся к отцу? Такой грязный, заблудший и опустившийся – что он мог подарить? Он встал на колени: не достоин, прости; он признал свои грехи, исповедался: согрешил я против Бога и тебя. Да ведь он подарил свои грехи! И Иероним

понял, что это, наверное, и есть тот единственный дар, который человек по-настоящему может принести Богу. Ведь все остальное, что у нас есть, мы сами получили от Него, и если мы что-то посвящаем Богу – время, работу, молитву, – то по сути дела лишь возвращаем собственность ее владельцу. Когда же мы приносим в жертву Богу свои грехи, то одновременно отдаем Ему наше сердце, любовь и веру – то есть, самих себя... Иероним сделал это и почувствовал огромное счастье от того, что все же смог по-настоящему дать Богу что-то от себя. Как никогда прежде, он отдал Ему свою жизнь. Все его ценные переводы и пастырские труды не могли сравниться с этим его даром Богу, принесенным с истинно глубоким смирением.

Мне кажется, что опыт св.Иеронима имеет большое значение для нашей жизни. Без него мы наверное, не сможем хорошо понять, что **исповедь это дар Бога для нас, а исповедуясь, мы приносим наибольший дар Богу.**

И еще одну историю я хотел бы подарить вам. Один человек имел перстень, очень красивый, он получил его от мамы в подарок и любил временами носить на руке. После смерти мамы перстень стал для него особым знаком единства с нею и благодарности. К сожалению, камень в перстне оказался хотя и ценным, но очень мягким. И однажды, уронив случайно перстень, этот человек увидел на нем глубокую безобразную царапину. Он стал искать ювелира, который смог бы исправить этот недостаток. Но никто не брался за такую работу: царапина была настолько глубока, что после полировки камень испортился бы и его невозможно было бы вставить в ту же оправу. Но он продолжал искать выхода и набрел на одного старичка, владельца маленького магазинчика, который, выслушав всю историю, спросил: „Веришь ли, что я могу это сделать?“ – „Да“. – Ведь это был последний шанс. – „Раз так, приходи через две недели“.

Придя за перстнем в назначенный срок, он увидел чудесную розу, выгравированную на его камне. Даже не верилось, что это то самое кольцо. Но все совпадало: дата, инициалы... Выглядел же перстень еще лучше, чем прежде! А где же эта ужасная царапина? Приглядевшись внимательнее, владелец кольца заметил, что царапина стала стеблем розы и уже не только не портит внешний вид камня, но несет на себе это новое украшение, которое так чудесно спасло кольцо и придало ему новую прелесть. Человек этот от души поблагодарил старичка, обрадованный тем, что получил назад свой перстень, тот самый, от мамы, но одновременно и другой, более прекрасный, более ценный...

Все вы, наверное, уже поняли, что речь идет здесь о человеке, который своими падениями обезображивает душу, но благодаря тому, что поверяет, отдает свои грехи Иисусу, позволяет ему дальше работать над ними – становится новым человеком, более богатым. Мне кажется, этот пример является очень метким образом благой вести греха. Он показывает, что человек на самом деле искуплен Христом, и благодаря Его Крови ни один грех не может отнять этого икупления. Грех, на первый взгляд отражающий победу сатаны, становится еще большей победой Христа, если мы с верой отдадим себя в руки этого единственного и истинного Учителя. Каждый грех служит возрастанию ценности человека, или, как говорит св. Павел, „когда умножился грех, стала преизобиловать благодать“ (Рим 5, 20). Св. Павел сразу поясняет, что это не значит, будто теперь необходимо грешить, чтобы участвовать в воскресении Иисуса. Мы можем и должны поступать по Слову Божию, в соответствии с Его волей, но если и согрешим по своей вине и легкомыслию, то эта слабость и грех не будут помехой для Бога. Благодаря Крови Агнца грех может помочь человеку сделать новый шаг к совершенству, понять величие, любовь и милосердие Божие. Об этом и говорит нам таинство примирения, которое, повторим еще раз, является даром Воскресшего.

2. Исповедь как таинство

В первый же день по Своем воскресении Иисус пришел к Своим Апостолам и сказал: „Примите Духа Святого, кому отпустите грехи, тому будут отпущены“. Этим было установлено отпущение грехов как таинство. Как понимать то, что в Церкви – в единстве со Святейшим Отцом и епископами – мы можем принимать отпущение грехов как таинство? Таинство означает такой внешний знак, которым исполняется то, что он обозначает. Знак, данный нам Христом, имеющий источником Кровь Христа и дающий нам Христа, приобщающий к Его делу икупления. Будь это вода, хлеб, заключение соглашения, беседа или что-то еще... – всегда этот знак означает больше, чем видно невооруженным глазом. Лишь в свете веры можно открыть здесь действие Духа Святого, дело Христа и соединиться с Ним.

Как выглядит исповедь, если посмотреть на нее глазами постороннего наблюдателя? Возникает несколько сравнений. На первый взгляд она напоминает некую консультацию, и это, действительно, очень важный аспект того, что там происходит. Появляется ассоциация и с визитом ко врачу, и в этом

тоже есть своя правда. Если же смотреть более внимательно, найдутся черты, присущие судебному процессу: обвинение, приговор... Все эти образы важны, чтобы понять: во время исповеди происходит нечто такое, что дает новое отношение к Богу, к другим людям и к самому себе. Здесь происходит рождение новой жизни, освобождение – но и обретение направления, излечение и насыщение. Исповедь – это таинство, а не просто форма богослужения, помогающая улучшить самочувствие, выговорившись перед кем-то, излив наболевшее. Таинство покаяния – это прежде всего встреча с Христом. Нужно постоянно напоминать себе о том, что исповедоваться я иду не перед тем или иным священником, а прежде всего перед Христом.

Можно и нужно выбирать для себя место исповеди и исповедника. Все это имеет свое значение, но главное – не то, возникло ли в процессе исповеди взаимопонимание, удалось ли поговорить со священником, попросить совета... Важнее хорошего совета бывает сама сакраментальная встреча с Христом. Это так важно, что все остальное становится просто несущественным.

Может случиться, что мы попадем на исповедь неудачно: ведь по другую сторону тоже сидит только человек, ограниченный разными обстоятельствами, возрастом, погодой, усталостью, опытом, подготовкой и т.д... Независимо от этого мы должны не только молиться за этого человека перед тем, как войти в исповедальню, потому что он нуждается в помощи, но еще в большей степени необходимо напоминать себе о том, что мы идем на встречу с Христом на Голгофе, на встречу с Иисусом, который искупил нас Своей Кровью и продолжает Свое дело спасения в наши дни, который очищает нас, одаряет новой жизнью, посылает Святого Духа.

Мы очень часто сами усложняем себе исповедь и отгораживаемся от благодати этого таинства, уделяя слишком много внимания человеческим аспектам исповеди. На первом месте должна стоять действительность веры: встреча с Христом на Голгофе, омовение в Крови Христа. И не важно, понял ли нас священник, смог ли чему-то научить, чувствую ли я себя после исповеди лучше или еще хуже, чем до нее. Недавно в миссионерском доме ко мне пришла одна женщина и просила причастить ее. Я не был уверен, что делать, ситуация была довольно неясная. Но, чтобы не возникло лишних трудностей, я все-таки дал ей причастие в нашей часовне. Минуты через две она уже была в моей комнате, жалуясь: „Не действует, ничего не изменилось, я чувствую себя все также!” Как будто бы она приняла таблетку аспирина! Так нельзя принимать святого Причастия. Ведь таинство оказывает свое действие не физически, а через веру. Конечно, если перед причастием хорошо помолиться, открыться Богу, отдать Ему свое сердце и время, то это окажет благотворное влияние и на нервную систему, принесет мир в душе, успокоение. Но речь не идет о таком психо-медитационном воздействии. Таинства действуют благодаря вере независимо от того, что мы чувствуем. Что чувствует младенец при крещении? А ведь в этом человеке изменяется очень многое. Такое действие таинства („opus operatum”) осуществляется силой Божией независимо от того, был ли я сосредоточен, когда священник давал мне отпущение грехов, или же думал в этот момент о замерзших ногах.

Но существует и другой аспект, „opus operantis”, который заключается в том, как себя ведут и как настроены люди, участвующие в таинстве. Это также важно: какую подготовку имеет исповедник, умеет ли он вести беседу, может ли дать совет, подобрать епитимию. Важно и то, умеет ли сам человек хорошо подготовиться к исповеди, рассказать о наиболее существенном, объяснить, где ему нужен совет и тем самым помочь священнику уловить суть проблемы. Но главным остается то, что сам Христос творит при этом в сердце человека. Если человек добросовестно исповедуется, от всего сердца раскаивается, то таинство будет иметь силу независимо от того, переживаний исповедующегося (?). Иногда мы уделяем слишком много внимания нашим ощущениям или личности исповедника, а это опасно. Нужно работать над тем, чтобы исповедоваться наилучшим образом, но главное – регулярность и независимость от человеческих обстоятельств.

Хочется особенно подчеркнуть, что первенство принадлежит сакраментальности этого действия, остальное же – лишь приятное и важное дополнение. В этом есть для нас некое утешение. Бывает, что просто пойти на исповедь необыкновенно тяжело, одно то уже становится епитимией. Но эту епитимию стоит исполнить, хотя чисто по-человечески приходится испытывать глубокую неудовлетворенность. Ведь если мы пойдем на это в духе веры, то примем в этом таинстве Христа! Точно так же бывает во время Евхаристии: идя к причастию с верой, принимаешь самого Христа! И это не зависит от того, красиво ли совершается божественная Литургия, как звучит орган, как ведут себя министранты, насколько сосредоточен священник. Иисус присутствует там, даже когда наша вера мала. Это нечто великое – что Бог в такой степени предается в руки людей. Это – продолжение того, что произошло в Вифлееме, когда Бог отдал себя в руки человека как малое дитя. Как ребенок находится в зависимости от взрослых, так, а может, и больше, Христос сделался зависимым от

человека, оставаясь на земле в сакраментальных знаках независимо от того, понимают ли Его, уважают ли, принимают с любовью или нет.

3. Исповедь как выражение дружбы

До сих пор я подчеркивал ценность и действенность таинства независимо от субъективного действия человека. Теперь хотелось бы все же обратить внимание на то, что мы можем сделать со своей стороны. По-настоящему можно понять таинство покаяния, только если смотреть на него как на выражение дружбы с Богом. Ведь Иисус на Последней Вечери перед Своей смертью назвал Апостолов, а вместе с ними и всех нас, Своими друзьями. Он хочет иметь друзей, а не рабов, хочет научить каждого из нас самому зрелому отношению к Нему: дружбе. Каждая дружба проходит в своем развитии кризисы. Это бывает нелегко, но ведь этот драматизм взаимного понимания и непонимания, нового примирения и углубления любви придает дружбе очарование. В чем состоит дружба? Настоящие друзья встречаются не по обязанности, не по расчету, не только тогда, когда есть основания для встречи, например, именины или что-то подобное. Конечно, у друзей есть и свои обязанности, но главный признак дружбы это то, что друзья любят быть вместе просто так, без темы, без пользы для себя. Уже само их единство имеет смысл, его красота в его самодостаточности. Друг не спрашивает: „что я должен?“, но „что я могу?“, не спрашивает: „что от меня требуется, чем я обязан другому?“, но „что нравится ему?“, „чем я могу порадовать своего друга?“, „как могу преподнести ему приятный сюрприз?“...

Нечто подобное появляется в жизни христианина, достигшего полной зрелости. Когда человек думает не только о том, чтобы спасти собственную шкуру, чтобы только дойти до Неба, когда он не только исполняет обязанность, но находит радость и свободу в служении другому, в том, чтобы исполнить его мечты, – тогда его вера и отношение к Богу становятся истинными, становятся дружбой. Только в дружбе начинается вера, все остальные формы религиозности являются только детским садом, введением, подготовительным периодом.

Если посмотреть на исповедь через призму дружбы, откроются новые возможности работы над собой. Мы уже не станем искать в исповеди самооправдания, возможности избежать катастрофы, не пойдем по линии наименьшего сопротивления. Мы начнем стремиться к совершенству, искать чего-то большего, обращая больше внимания на чувства и реакцию другого, возлюбленного, Христа, чем на свои собственные. Вся наша забота обратится на Христа, чтобы Он был доволен. Проще говоря, пойдем на исповедь из любви к Иисусу: „для Тебя, Иисус!“

При таком отношении десять заповедей, которые по-прежнему остаются важными, воспринимаются скорее как пожелания Иисуса, выраженные в кульминационных моментах Нового Завета, когда Иисус открывает Свое сердце в узком кругу Апостолов. Эти заповеди становятся нашим испытанием совести. Больше же всего Иисус говорит нам тогда, когда не говорит уже ничего, когда Он молчит, когда любит через открытые раны, через Свою Кровь, излитую до последней капли. Отвечая на это, мы входим в исповедь глубоко, как в дружбу. И здесь речь идет уже лишь о том, чтобы снова отдать себя Богу, а не о суде, не о самооправдании.

В заключение приведем еще одно сравнение, может быть, особенно близкое девушкам и женщинам, но понятное и всем остальным. Тот, кто видит в исповеди возможность проявить свою дружбу с Богом, готовится к ней как невеста, которая делает все, чтобы предстать перед женихом во всей своей красе, обрадовать и восхитить его, чем только можно. Об этом и идет речь на исповеди: душа наша стремится стать прекрасной невестой Христа. Этот образ подводит итог нашим размышлениям. От представления исповеди как дара Божия, через восприятие ее как таинства, дающего личный контакт и Иисусом, приходим к пониманию того, как нам самим нужно быть даром для Бога в прелести той невесты, которой должна стать, уже стала и все в большей степени становится Церковь.

(О.Винфрид Вермтер; Ченстохова, дом св. Лаврентия, 23.01.1993)